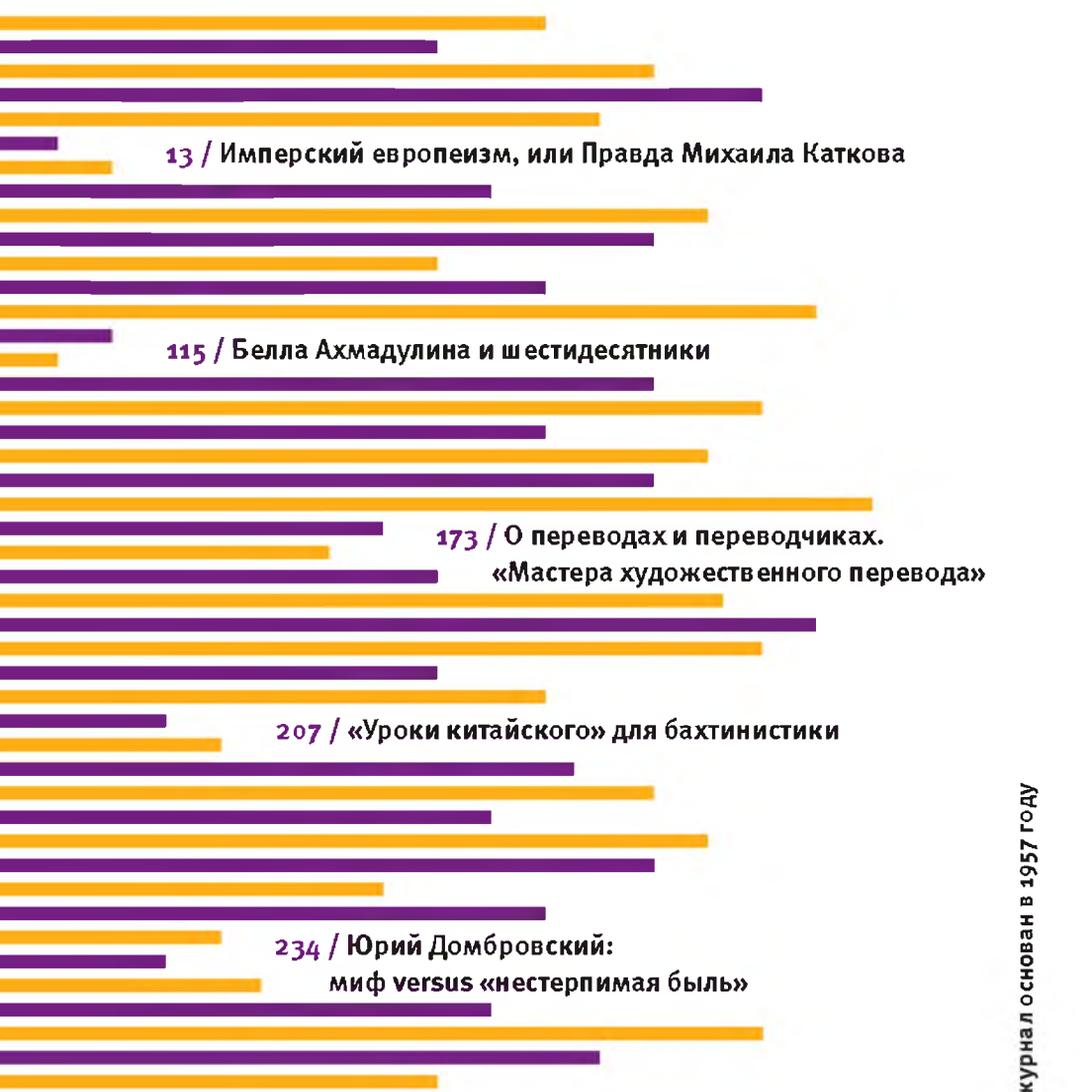

ВОПРОСЫ литературы

март — апрель

2019

13 / Имперский европеизм, или Правда Михаила Каткова

115 / Белла Ахмадулина и шестидесятники

173 / О переводах и переводчиках.
«Мастера художественного перевода»

207 / «Уроки китайского» для бахтинистики

234 / Юрий Домбровский:
миф versus «нестерпимая быль»

Главный редактор

Игорь Олегович Шайтанов
доктор филологических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет,
Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Константин Маркович
Азадовский
кандидат филологических наук,
член-корреспондент Германской
академии языка и литературы,
Дармштадт, Германия / Санкт-
Петербург, Россия

Алексей Давидович Алехин
главный редактор журнала «Арион»,
Москва, Россия

Михаил Леонидович Андреев
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН, Москва,
Россия

Дмитрий Петрович Бак
кандидат филологических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет,
Государственный литературный
музей, Москва, Россия

Николай Павлович Гринцер
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Саймон Диксон
PhD, Школа славянских
и восточноевропейских
исследований, Университетский
колледж Лондона, Великобритания

Юрий Владимирович Манн
доктор филологических наук,
академик Российской академии
естественных наук, Российский
государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия

Виталий Львович Махлин
доктор философских наук,
кандидат филологических наук,
член-корреспондент Академии
гуманитарных исследований
при Институте философии РАН,
Московский государственный
педагогический университет, Москва,
Россия

Мария Олеговна Переяслова
кандидат филологических наук,
редактор, ответственный секретарь

Елена Алексеевна Погорелая
кандидат филологических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва,
Россия

Ольга Ивановна Половинкина
доктор филологических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва,
Россия

Денис Соболев
PhD, Университет Хайфы, Израиль

Галин Тиханов
PhD, Лондонский университет
королевы Марии, Великобритания

Кэрил Эмерсон
PhD, Принстонский университет, США

Редакция

Игорь Дуардович
директор редакции

Полина Дуардович
заведующая редакцией

Елена Михайловна Луценко
редактор, кандидат филологических
наук, Российский государственный

гуманитарный университет,
Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, Москва, Россия

Иван Германович Морозов
младший редактор

Сергей Андреевич Чередниченко
редактор, Литературный институт
им. А. М. Горького, Москва, Россия

Перевод на английский язык

Лидия Николаевна Голуб

Франциска Макнил
PhD, Американская ассоциация
литературных переводчиков

Учредители

РОФ «Литературная критика»,
АНО Редакция журнала критики
и литературоведения «Вопросы
литературы».

Периодичность: 6 раз в год.

Журнал выходит с 1957 г.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-47288 от 17 ноября 2011 г.

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 70149.

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных журналов
ВАК (группа научных специальностей
«10.01.00 — литературоведение»),
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Журнал «Вопросы литературы»
публикует статьи, эссе, обзоры,
рецензии, посвященные проблемам
истории русской и зарубежной
литературы и филологии, теории
литературы, современному
литературному процессу.

Публикуемые материалы прошли
процедуру экспертного отбора
и одностороннего слепого
рецензирования.

Ответственность за точность цитат
и фактических данных несут авторы
публикуемых материалов.

Контактная информация

125009, г. Москва, Большой
Гнезниковский пер., д. 10, 10-й этаж.

Тел.: +7 (495) 629-49-77

Email: voplit@mail.ru

Сайт: <http://voplit.ru>

Facebook: <https://www.facebook.com/voplit/>

© Журнал «Вопросы литературы»,
2019

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

- 13 **В. КАНТОР.** ИМПЕРСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ, или Правда Михаила Каткова versus русское общество

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

- 42 **А. КОЛЕСНИКОВ.** ПОСТМОДЕРНИЗМ МЕРТВ, а я еще нет
/ Лица современной литературы
- 50 **Д. ЕРЕМЕЕВА.** УСУМНИВШИЙСЯ АВВАКУМ. Сергей Петров (1911—1988)
- 63 **Р. КАЦМАН.** РОМАН-ХАОС. Александр Гольдштейн
- 80 **Е. САФРОНОВА.** ПОЭТ ОКСЮМОРОНА. Сергей Гандлевский

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

/ Велимир Хлебников

- 94 **П. РЫЖАКОВ.** ЗАМЕТКИ О «ПАСХЕ В ЭНЗЕЛИ»
- 107 **А. ПАВЛОВСКИЙ.** ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ПАВЛА РЫЖАКОВА «ЗАМЕТКИ О “ПАСХЕ В ЭНЗЕЛИ”»

ВЕК МИНУВШИЙ

- 115 **А. БОКАРЕВ, Т. КУЧИНА.** БЕЛЛА АХМАДУЛИНА И ШЕСТИДЕСЯТНИКИ: КОНТАКТЫ, КОНТЕКСТЫ, СТИХИ

/ В творческой мастерской

- 136 **П. ГЛУШАКОВ.** «В культуре я вижу воплощение Божьей воли». Анкета Бориса Чичибабина 1994 года

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

- 148 **Д. ЗАХАРОВ.** ТРУМЕН КАПОТЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
- 173 **Л. ЕГОРОВА.** О ПЕРЕВОДАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ. Серия «Мастера художественного перевода»

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 193 **А. УРАКОВА.** «Индейские дары»: сюжет о межрасовой розни и образ белого мстителя в литературе американского фронта

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- 207 **О. Осовский.** Бахтин в Шанхае. «Уроки китайского» для бахтинистики

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 234 **И. Дуардович.** Юрий Домбровский: миф versus «нестерпимая быль»

КНИЖНЫЙ РАЗВОРОТ

- 278 Тургенев и либеральная идея в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева
(Е. Гальцова)
- 282 О. А. Корниенко. Игровая поэтика в литературе **(С. Кормилов)**
- 286 РУССКИЙ БУКЕР – 25: Материалы об истории премии **(Л. Егорова)**
- 292 В. Лукьянин. «Урал»: журнал и судьбы **(С. Беляков)**

DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-13-41

ИМПЕРСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ, ИЛИ ПРАВДА МИХАИЛА КАТКОВА VERSUS РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ КАНТОР

доктор философских наук

Научный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Международная лаборатория русско-европейского

интеллектуального диалога

(Научный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»)

(105066, Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4;

email: vlkantor@mail.ru)

Аннотация. В статье автор стремится демифологизировать фигуру Михаила Каткова — одного из крупнейших мыслителей и публицистов, отстаивавших в России имперскую идею, понятую, однако, как развитие европейской линии в русской культуре. Раскрывая специфику взглядов Каткова, автор опирается на две ключевые фигуры русской истории и культуры — Петра Великого и Александра Пушкина.

Ключевые слова: М. Катков, Петр Великий, А. Пушкин, Россия, Запад, империя, европеизм, классическое образование.

Статья поступила 29.06.2018.

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

© 2019, В. К. Кантор

DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-13-41

IMPERIAL EUROPEISM, OR MIKHAIL KATKOV'S TRUTH VERSUS RUSSIAN SOCIETY

VLADIMIR K. KANTOR

Doctor of Philosophy

Higher School of Economics – National Research University, International
Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue
(Higher School of Economics – National Research University)
(21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia;
email: vlkantor@mail.ru)

Abstract: The author seeks to destroy the myth surrounding the personality of Mikhail Katkov, one of Russia's most prominent thinkers and journalists, who defended the Russian imperial ideology, believing it to have descended from European views to take root in the local culture. The author invokes two major figures of Russian history and culture: Peter the Great and the poet Aleksandr Pushkin. Katkov argued that Russia owed its successful integration into European history to Peter the Great, who transformed the country into a powerful empire and created an independent space for spiritual experiments. So it no longer seems accidental that Pushkin was referred to as 'the singer of the empire and freedom'. It was for that reason that Katkov jumps to the defence of the Russian empire, fearlessly opposing the government, no less, who, he thought, had lost touch with reality. Eventually, Katkov was fighting two enemies: Russian nihilists (with Herzen in the lead), who wasted no time undermining the empire, and Russian liberals, who would stop at nothing, even welcome a foreign invasion, in order to bring down the empire (the so-called 'Polish intrigue'). The author sets out to reconstruct the writer's true image through his work.

Keywords: M. Katkov, Peter the Great, A. Pushkin, Russia, the West, empire, Europeism, classical education.

The article was received on 29 June 2018.

The study has been funded by the Russian Academic Excellence Project 5–100.

© 2019, V. K. Kantor

Пожалуй, один из самых необычных героев русской мысли — это Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Многожды проклятый при жизни и при жизни же невероятно возвеличенный. Реальный, едва ли не единственный серьезный оппонент власти, вместе с тем этой властью в итоге принятый. Принятый и многими великими инакомыслиями, думавшими по-своему. Напомню символический эпизод. 6 июня 1880 года на Страстной площади состоялось открытие памятника Пушкину. Замечу, что на Страстном бульваре помещалась газета Каткова «Московские ведомости». В связи с этой топографической точкой возникает идея Константина Леонтьева, который, выступив в защиту московского публициста, написал, что именно Катков — единственный русский литератор, политический литератор, памятник которому достоин стоять напротив памятника Пушкину:

Если бы у нас, у русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: заживо политически канонизировать Каткова. Открыть подписку на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре. Что за беда, что этого никто никогда и нигде не делал? Тем лучше! «Именно потому-то мы и сделаем!»... Пусть это будет крайность, пусть это будет неумеренная вспышка реакционного увлечения. Тем лучше! Тем лучше! Пора учиться, как делать реакцию <...> Пусть и отпор будет не только «суровый», но и еще более пламенный, чем либеральный натиск [Леонтьев 2006: 199].

Практически сразу после смерти публициста сквозь вздох радости либеральной элиты прорвалось еще два серьезных текста известных в русской культуре людей — Е. Блаватской и В. Розанова. Блаватская, как и положено теософке, отчитывает современников:

Ставит эта родина, Россия-Матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятник тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее, чем Минин и Пожарский сделали *мечами*. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала Россия, что не зарастет в сердцах верных сынов ее тропа к его могиле, — пусть запомнят наши дипломаты его указания да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтоб Россия была

отдана на посмеяние Европы <...> А зарастет *трона* в их памяти, то да будет им стыдно!.. [Блаватская 1887]

Розанов более практичен и одушевлен:

В печати заговорили о постановке памятника Каткову. В добрый час! Но не следовало ли бы от слова перейти к делу, от предположений — к самому ходатайству о дозволении открыть подписку на памятник? В разрешении не может быть сомнения; еще менее может быть сомнения в щедрости пожертвований, которые польются со всех сторон [Розанов 2009а: 605].

Памятник не был поставлен, а могила Каткова на Алексеевском кладбище вместе с могилами других знаменитостей дореволюционного времени по приказу большевиков была разрушена. Полагают, что кладбище сильно раздражало количеством могил «царских сатрапов» и прочих приспешников монархии. По воспоминаниям очевидцев, особенно надругались над прахом Каткова, вставив в челюсти папиросу.

Русские литераторы и публицисты, в основном либеральные, ненавидели Каткова, что доказывало одну простую вещь: чувство благодарности, к сожалению, не входило в список добродетелей русских радикалов и либералов. Какие же претензии к Каткову были у его противников? Если вкратце, то они таковы. Начиная как воспитанник немецкой философии, англоман, он стал сторонником и защитником самодержавия, служил ему не за страх, а за совесть. Как писал Р. Сементковский,

одни называли его «создателем русской публицистики», «борцом за русскую правду», «носителем русской государственной идеи», «установителем русского просвещения», «столпом русского и славянского самопознания», «златоустом-апостолом величия и славы России», «русским палладиумом», «грозою Германии и Англии», «русскими Фермопилами». Другие давали ему насмешливые и презрительные клички: «громовец Страстного бульвара», «будочник русской прессы», «жрец мракобесия», «проповедник сикофанства», «московский Менцель» и даже «герцог Альба» (граф А. Толстой в известном рукописном стихотворении «Единство») [Сементковский 2014: 534].

Это и есть его ментальное преступление — преступление против так называемой свободомыслящей клаки.

Мой ответный тезис прост: Катков ни разу не изменил тем взглядам, с которыми он впервые вступил в общественно-литературную жизнь. Он был, если позволительно так сказать, имперский европеец, как и Пушкин, последователь Петра Великого. И образован как мало кто тогда. Его чтение и переводы лекций Гегеля по эстетике формировали взгляды Белинского, потом пару лет Катков слушал лекции позднего Шеллинга, германской мыслью в высших ее проявлениях он был напитан как следует. Кстати, в это же время лекции Шеллинга слушали молодой Фридрих Энгельс и Серен Кьеркегор. Но данных об их контактах нет. Лекции Шеллинга по мифологии сказались в работе Каткова. Он обращается к досократикам и издает «Очерки древнейшего периода греческой философии» (1851, 1853). Империя для Каткова есть носитель свободы. Ему в упрек ставили, что был-де англоманом, а стал сторонником империи. При этом как-то в простоте забывалось, что Великобритания — это империя.

Издатель журнала «Русский вестник» с конца 1850-х, Катков стал фигурой весьма влиятельной. Правда, после его смерти его бранили многие, в том числе и те, что были обязаны ему своей известностью. Но напомним строки одного из самых благородных умов, великого философа Владимира Соловьева, в отличие от многих имевшего чувство благодарности. Именно Владимир Соловьев, в зрелые годы ставший сотрудником «Вестника Европы» и противником московского публициста, написал о Каткове как фигуре весьма достойной и важной для русского самосознания:

Я решился написать и напечатать эти воспоминания потому, что хочу избежать упрека в неблагодарности, сказав об этом человеке — имевшем ко мне некогда доброе расположение — все то хорошее, что по совести могу сказать о нем <...> Именно этот принципиальный характер моего разрыва с ним составляет для меня и право, и обязанность не скрывать своих личных впечатлений и решительно сказать, что, какова бы ни была внешняя деятельность Каткова, он не исчерпывался ею: в нем было другое и лучшее. И на основании этого другого лучшего, что я видел и испытал, я должен еще заявить, что никогда не поверю, чтобы Катков был способен в важных вопросах кривить душой, сознательно изменять свои взгляды и свои указания ради каких-нибудь низменных своекорыстных соображений. Этот человек доказал, что в решительную минуту он способен все поставить на карту, готов рисковать всем своим личным положением и благополучием ради того, что он считал пользой своего отечества [Соловьев 1989: 626, 633].

* * *

Но все же необходима предыстория — о том, как сложился наш герой. Родился он в ноябре 1818 года в Москве, в семье мелкого канцелярского чиновника, выходца из провинциального уездного города Чухлома Костромской губернии. Отец умер, когда мальчику было три года. Детство и юность прошли в абсолютной бедности, на грани нищеты. Мать сумела пристроить его в Преображенское сиротское училище при 1-й Московской гимназии. К матери он на всю жизнь сохранил любовь и привязанность. И это ни для кого не было секретом. Своих чувств Катков не скрывал. Один из случаев проявления сыновней любви сохранился в воспоминаниях Т. Пассек. Будучи приглашенной к известному доктору-гомеопату К. Сокологорскому вместе с вернувшимся недавно из-за границы Катковым и его матерью, она, поднимаясь по довольно высокой лестнице, заметила, что пожилой Варваре Акимовне подъем дается с трудом. Заметил это и Катков. И в ту же минуту быстро сбежал вниз, поднял мать на руки, внес наверх и почтительно опустил на пол. Потом тревожно оглянулся на подымавшихся по лестнице, по-видимому опасаясь, чтобы кто-нибудь не улыбнулся. Все были серьезны.

В 1834—1838 годах Катков столь успешно занимался на словесном отделении Московского университета, что слушать его ответы приходили студенты, а курс он окончил кандидатом с отличием. В 1830-х Катков примыкал к кружку Н. Станкевича, был близок с В. Белинским, А. Герценом, М. Бакуниным. В 1838—1840 годах сотрудничал с «Отечественными записками» и «Московским наблюдателем», перевел трагедию Шекспира «Ромео и Юлия», несколько стихов Гейне. В 1839 году выходит его статья «Песни русского народа», основные положения которой определяют его взгляды едва ли не до конца жизни. Катков не менялся. Менялось время и его современники. Полемизируя со славянофилами, категорически не принимавшими петровские реформы, он пишет в этой статье:

Только с Петра возникла Россия, могучее, исполинское государство; только с Петра русский народ стал нацией, стал одним из представителей человечества, развивающим своею жизнью одну из сторон духа; только с Петра вошли в его организм высшие духовные интересы, только с него начал он принимать в себя содержание развития человечества. А до Великого у нас не было ни искусства, в собственном смысле этого слова, ни науки [Катков 1839: 8].

Петр в каком-то смысле ответил на запрос народа. Ибо Российская империя, российское государство, по Каткову, есть порождение русского народа, и в этом его величайшая историческая заслуга, поскольку именно созданная Петром империя ввела в Россию европейскую цивилизацию, поставив страну в круг мировых держав:

Кто же после этого скажет, что жизнь русского народа была бесплодна? Кто будет жаловаться, что он во все времена своего продолжительного существования ничего не совершил, ничего не породил?.. Разве ничего не значило породить эту неодолимо мощную и внутри и вне, эту необъятную монархию? Разве эта монархия не свидетельствует о дивной силе народа, ее создавшего? Какое государство, укажите, может сравниться с нею по объему и могуществу и по изумительной силе ассимилирования? [Катков 1839: 36]

Творческая потенция, считает Катков, теперь только у самодержавия, которое европейской культурой вдохнуло жизнь в огромный государственный организм, созданный народом. Именно при Петре благодаря его Табели о рангах возникает то, что ныне именуется лифтом, — движение из низших сословий в высшие, без насилия и революций. Это путь самого Каткова, от нищего разночинца поднявшегося до тайного советника. Таков вкратце смысл историко-культурной концепции Каткова, определившейся еще до 1840 года.

«Отечественные записки», — писал Белинский В. Боткину 4 октября 1840 года, — издаются трудами трех только человек — Краевского, Каткова и меня» [Белинский 1956: 557]. Однако позиция Каткова отличалась от позиции Белинского. Он западник, но Белинский упрекает Каткова в «московдушии». Он защищает европейскую культуру с ее традицией личной независимости, самостоятельности; для него в эти годы, как и для других «русских европейцев», совершенно неприемлема идея «официальной народности». Но такой же европейской независимости он хочет и для России. Хотя народ он поднимает высоко — на свой лад, конечно. Катков в восторге от петровских реформ, принимает их целиком. В идеализации Петра как просвещенного монарха, перестраивавшего Россию на европейский лад, видна особая позиция, которая определит его мироощущение.

И еще один образ, ориентир, фарос России, который чрезвычайно важен для Каткова. В 1839 году Катков пишет о Пушки-

не примерно то, что несколько лет спустя сформулирует Белинский и почти полвека спустя — Достоевский. Он перевел статью немецкого философа Карла Августа Фарнгагена фон Энзе о сочинениях Пушкина в трех томах (1838), в предисловии сказав:

Смешно бы, может быть, показалось многим, если бы сказали, что Пушкин — поэт всемирный, стоящий наряду с теми немногими, на которых с благоговением взирает целое человечество. Им было бы смешно; а отчего им было бы смешно? Что, если мы скажем, что сейчас сказали, от лица иностранца, чуждого всякого пристрастия, иностранца, который судит о России и об ее явлениях не как член народа, а как член целого человечества; что скажут они тогда <...> Мы твердо убеждены и ясно сознаем (опять мы подчеркиваем), что Пушкин — поэт не одной какой-нибудь эпохи, а поэт целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира; не лазаретный поэт, как думают многие, не поэт страдания, но великий поэт блаженства и внутренней гармонии. Он не убоился низойти в самые сокровенные тайники русской души... Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтоб исследить ее. Пушкин исследил ее и победоносно вышел из нее, и извлек с собой на свет все затаенное, все темное, крившееся в ней... Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире <...> Нас опередили в оценке нашего Пушкина! Но дай Бог, чтобы это было в последний раз, дай Бог, чтоб мы почувствовали наконец в себе силы к самобытной и самосознательной умственной деятельности [Катков 2009е: 536—537].

Две вещи важны для Каткова: Пушкин не местный поэт, а самобытный и потому имеющий общеевропейское, мировое значение. И второе: Пушкин — поэт империи и свободы. (Эту мысль позднее (уже в 30-е годы XX века) подхватит Г. Федотов.)

Здесь заложено начало, которое привело Каткова на позиции «консервативного национализма», как определяют его линии западные слависты [Thaden 1964]. Можно ли назвать его националистом? Катков хотел видеть Россию идущей по европейскому пути, но при этом сохранявшей бы свою самостоятельность и независимость (см.: [Katz 1966: 112]). Соображение весьма резонное. Замечу в скобках, что в 1960-е годы на Западе чаще, чем ныне, писали о Каткове, называя его и «консервативным националистом», и последователем позднего Шеллинга, к которому они возводили консервативный романтизм московского мыслителя. Так, Мартин Катц пишет, что обращение Каткова к практической пользе и поиск реальности «на-

ходились внутри того же самого романтического мировоззрения», усвоенного им от позднего Шеллинга [Katz 1966: 180]. Думается, русская реальность играла в становлении Каткова роль не меньшую. Пойдем по порядку.

В начале 1840-х годов он порвал старые литературные связи. Разрыв с Бакуниным стоит описать в подробностях, это красочная история. У Каткова был роман с первой женой Огарева Марией Львовной Огаревой (урожденной Рославлевой). Как-то Бакунин застал их в недвусмысленной позе, голова Каткова на коленях у Марии Львовны. И пошла гулять сплетня. О дальнейшем в пересказе Белинского. Летом 1840 года на квартире Белинского состоялось выяснение отношений между Катковым и Бакуниным. В письме В. Боткину от 12—16 августа, отправленном с нарочным, с оказией, не через почту, Белинский так описывал эту сцену:

Бакунин встретился с Кат<овым> лицом к лицу. К<атков> начал благодарить его за его участие в его истории. Бакунин, как внезапно опаленный огнем небесным, попятился назад и задом вошел в спальню и сел на диван, говоря с изменившимся лицом и голосом и с притворным равнодушием: «Фактецов, фактецов, я желал бы фактецов, милостивый государь!» — «Какие тут факты! Вы продавали меня по мелочи — вы подлец, сударь!» — Б<акунин> вскочил. «Сам ты подлец!» — «Скопец!» — это подействовало на него сильнее подлеца: он вздрогнул, как от электрического удара. К<атков> толкнул его с явным намерением затеять драку. Б<акунин> бросился к палке, завязалась борьба. Я не помню, что со мною было — кричу только: «Господа, господа, что вы, перестаньте», — а сам стою на пороге и ни с места. Б<акунин> отворачивает лицо и действует руками, не глядя на Каткова; улучив минуту, он поражает К<атко>ва поперек спины подаренным ему тобою бамбуком, но с этим порывом силы и храбрости его оставили та и другая, — и К<атков> дал ему две оплеухи. Положение Б<акунина> было позорно: К<атков> лез к нему прямо с своим лицом, а Б<акунин> изогнулся в дугу, чтобы спрятать свою рожу. Во время борьбы он вскричал: «Если так, мы будем стреляться с вами!» Достигши своей цели, т. е. давши две оплеухи Б<акунину>, К<атков> наконец согласился на мои представления и вышел в кабинет [Белинский 1956: 145].

Интересно, что участники этой ссоры стали персонажами романа Тургенева «Рудин». Круг был тесен. Второй, положительный персонаж романа, Лежнев, по мнению литературоведов, прототипом имеет Каткова. И еще деталь: Катков назвал Ба-

кунина скопцом. Именно это слово вывело отца анархизма из себя. Похоже, что попадание было точным. Вспомним, что Рудин не решается овладеть Натальей Ласунской, готовой ему отдаться, бежит от нее. Причем безо всяких внешних причин. Да и другие герои Тургенева, схожие с Рудиным, столь же беспомощны в сексуальном плане. А отсутствие в человеке эроса, то есть творческого начала, рождает жажду разрушения. Если не создавать, то ломать. Отсюда и его знаменитый дикий и бессмысленный лозунг: «Страсть к разрушению — творческая страсть». На другое творчество скопец и не способен.

Бакунин, как мы видели, предложил стреляться, но только в Европе — и уехал в Германию. Следом уехал и Катков. Однако интересы их оказались слишком разными. Бакунин строил революцию, пытался взорвать дрезденскую ратушу, а Катков учился в университете. Вернувшись в Россию, Катков устраивается на службу в Московский университет. В 1845-м защищает диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка», становится адъюнктом на кафедре философии и до 1850 года занимается исключительно наукой. В 1853-м он женился на княжне Софье Петровне Шаликовой, дочери известного в свое время поэта и литератора. Как говорили современники, княжна Шаликова была некрасива, глупа, ее образование было практически нулевое (хотя она хорошо болтала по-французски), да и состояния она не имела никакого. По поводу этого союза Тютчев отпустил свое очередное бонмо: «Что же, вероятно, Катков хотел свой ум посадить на диету» [Феокистов 1991: 103]. Но жизнь они прожили ладно, родив девять детей.

А с 1856 года он вместе с П. Леонтьевым начал издавать литературно-художественный и общественно-политический журнал «Русский вестник». За 30 лет на его страницах увидели свет практически все классические произведения русской литературы: «Казачи», «Война и мир», «Анна Каренина» Л. Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского (в 1880 году на страницах «Московских ведомостей» была опубликована «Пушкинская речь» Достоевского), «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» И. Тургенева, «Губернские очерки» М. Салтыкова-Щедрина, «Семейная хроника» С. Аксакова, «На ножах», «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Захудалый род» Н. Лескова, «Взбаламученное море» А. Писемского, «Князь Серебряный» А. К. Толстого, «В лесах» и «На горах» П. Мельникова-Печерского. Начиная

с первого номера в журнале печатались исторические исследования Б. Чичерина, которого Катков ввел тем самым в круг литературной элиты, стихотворения и поэмы А. Майкова, А. Фета, Ф. Тютчева, А. Плещеева, В. Курочкина. Если вспомнить о Вл. Соловьёве, то и ему Катков оказался в помощь в 1880 году. Розанов написал о Соловьёве:

Он был так талантлив, что сразу все вставали навстречу ему... Катков, Ив. С. Аксаков, славянофилы и западники, — все перед ним именно «вставали», когда он среди них появлялся. Достаточно сказать, что Катков напечатал в своем «Русск. Вестнике», где тогда печатались романы Достоевского и Толстого, его докторскую диссертацию — «Критику отвлеченных начал»: вещь, совершенно самоубийственная для журнала!! [Розанов 2011: 94]

Из переводов стали заметным явлением роман американки Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», такой важный в момент отмены крепостного права в России, стихи Беранже, Гейне. Настоящую сенсацию производили разоблачительные статьи бывшего жандармского офицера С. Громеки о полиции, ее взятках и вымогательствах.

Надо сказать, что уже после смерти Каткова в 1887 году пошли воспоминания, многие со странным желанием авторов очернить своего бывшего издателя. Скажем, умный, но чрезвычайно желчный Борис Чичерин в 1888 году начал писать мемуары, где всем поступкам своего бывшего соратника и издателя пытался дать самое негативное объяснение:

Не прошло двух лет, как один за другим все сколько-нибудь самостоятельные люди были вытеснены, и «Русский Вестник» остался личным органом Каткова <...> Немного людей в России, которые сделали столько зла отечеству. Он низвел русскую литературу с той идеальной высоты, на которой она стояла в начале царствования Александра II, и потопил ее в болотную грязь. Выступив на журнальное поприще в то время, когда спали узы, стеснявшие русскую мысль, и когда именно журналистика получила преобладающее значение, он с своим умом и талантом занял в ней первое место. Но вместо того, чтобы высоко держать благородное знамя, завещанное предшественниками, он отбросил всякие нравственные требования и даже всякие литературные приличия. Он русских писателей и русскую публику приучил к бесстыдной лжи, к площадной брани, к презрению всего человеческого [Чичерин 2010: 269, 272].

Начало царствования Александра II — это конец 1850-х. Но всю эпоху царствования Александра у Каткова публиковались шедевры русской литературы и философии, от Тургенева и Толстого до Достоевского и Вл. Соловьева (это уже конец 1870-х — начало 1880-х). Впрочем, как ни странно, Чичерин задал тональность отношения к издателю «Русского вестника» на долгие годы. Ленин писал, причем переверяя факты еще более, чем Чичерин (скажем, называя *разночинца* Каткова помещиком): «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начала 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» [Ленин 1968: 43–44]. В черносотенстве Каткова обвинить можно в той же мере, что и Достоевского.

В эти годы купец Павел Третьяков создавал русскую классическую живопись, покупая картины русских художников. Художник не может творить без зрителя, как писатель без читателя, без того, чтобы его творчество стало общедоступным. Классическую литературу сделал достоянием публики Катков. В первом же номере «Русского вестника» — статья Каткова о Пушкине.

«Характер общего воззрения, — писал Чернышевский, — которым “Русский вестник” намерен руководиться при рассмотрении вопросов, касающихся истории нашей литературы, определился, кажется, с более или менее достаточною для его читателей ясностью направлением статьи г. Каткова, “Пушкин” <...> Он хочет быть органом художественной критики» [Чернышевский 1947: 642].

Катков, однако, имел замыслы более обширные. Неслучайно он перехватил у «Современника» лучших авторов. Его направленность — если угодно, направленность профессора — была против левых радикалов. Порой в этом своем стремлении противостоять левым он напоминал Писарева, который крушил направо и налево, заявляя: что-то не уцелеет — так тому и быть, а лучшее уцелеет. Поэтому, скажем, под одну гребенку Катков стриг и радикала Герцена, и реформатора Чернышевского. Не все противники бесов его поддержали. Достоевский, принимая критику Герцена, более того, изобразив его в облике Ставрогина, за Чернышевского заступался.

К Каткову-издателю уходят Тургенев, Толстой, Фет, Тютчев и другие. Надо сказать, что между писателями-дворянами и критиками-разночинцами конфликт тлел с конца 1850-х. Чернышевский вспоминает резкость Добролюбова по отношению

к Тургеневу, когда молодой критик сказал классику, что ему скучно слушать бесконечные излияния мэтра. Растерянный писатель обратился к Чернышевскому со словами как бы шутливыми, мол, Чернышевский змея простая, а Добролюбов очковая. Но в 1861 году умирает Добролюбов, 15 июня 1862-го правительство закрывает «Современник» на восемь месяцев, в июле арестовывают Чернышевского. В 1861–1862 годах Тургенев еще не забыл того столкновения. Лучший свой роман «Отцы и дети» он отдает в журнал Каткову. Образ Базарова смутил редактора. Если критика демократическая сочла, что Базаров — это пародия на Добролюбова, то Катков оказался пронизательнее. Здесь стоит пересказать воспоминания П. Анненкова, давнего приятеля Каткова, который в нищие годы помог тому выжить в Европе.

По словам Анненкова, Катков не восхищался романом, а, напротив, с первых же слов заметил, что стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом, как перед заслуженным воином, и отдать ему честь.

«Неужели вы думаете, М. Н., — воскликнул я, — что Тургенев способен унизиться до апофеозы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?..» — «Я этого не говорил, — отвечал г. Катков горячо и, видимо, одушевляясь, — а выходит похоже на то. Подумайте только, молодец этот, Базаров, господствует безусловно надо всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, венец, коронующий эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвование. Далее идти нельзя!» — «Но, М. Н., — замечал я, — в художественном отношении никогда не следует выставлять врагов своих в неприглядном виде, а, напротив, рисовать их с лучших сторон». — «Прекрасно-с, — полуиронически и полуубежденно возражал г. Катков, — но тут, кроме искусства, припомните, существует еще и политический вопрос. Кто может знать, во что обратится этот тип? Ведь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цветами творчества значит делать борьбу с ним вдвое труднее впоследствии» [Анненков 1983: 468–469].

Катков оказался прозорлив. Помогавший деньгами нардовольцам, назвавший девушку-бомбистку, которая признается, что готова на преступление, *святой* (рассказ «Порог»), Тургенев потихоньку перестал понимать Россию. Не случайно в «Бесах» Достоевский изобразил Тургенева в образе писателя Кармазинова, подыгрывающего бесовщине.

Конечно, во главе либеральной фронды, не понимавшей, что она прокладывает дорогу страшным радикалам, стоял Герцен. Poleмика с ним в 1862 году значительно подняла акции Каткова в глазах публики. Февральский номер журнала, в котором увидели свет тургеневские «Отцы и дети», завершался программной статьей Каткова «К какой принадлежим мы партии?». Снова заявляя о «внепартийности» своей позиции и уничижительно отзываясь об «игре в партии», автор углубил теоретическое обоснование охранительства. Имея в виду накалявшуюся обстановку в России, он писал, что истинное прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех основ, без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Самой надежной и мудрой хранительницей прогресса и его «дорогих начал» он назвал «живую, великую силу» консерватизма. Прогноз Каткова оказался чрезвычайно точен:

Вырвите с корнем монархическое начало, оно возвратится в деспотизме диктатуры, уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, место его не останется пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархией самого дурного свойства <...> где еще ревнивее и придирчивее разовьется дух вмешательства и опеки и где для личной свободы будет еще менее благоприятных условий [Катков 2009b: 109–110].

Характерен спор по поводу страшной прокламации «Молодой России» 1862 года, в которой говорилось совершенно по-герценовски: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком “Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!” двинемся на Зимний дворец истребить живущих там <...> Кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами» [Молодая... 1997: 149]. Искандер не увидел в этом ничего страшного, назвав преступников из «Молодой России» шиллеровскими героями.

Катков в том же 1862 году ответил Герцену жестко, наотмашь, но справедливо: «Безддушный фразер не видит, в чем *уголовщина*. Ему ничего, — пусть прольется кровь этих “юношей-фанатиков”! Он в стороне, — пусть она прольется. А чтоб им

было веселее и чтоб они не одумались, он перебирает все натянутые струны в их душе, он шевелит в них всю эту массу темных чувствований, которые мутят их головы <...> Он почтил их титулом Шиллеров» [Катков 2009а: 343—344]. Герцен только забывал, что у Шиллера лилась театральная кровь («клюквенный сок», как в «Балаганчике» Блока), а «Молодая Россия» звала к реальной расправе с реальными людьми — не на театральной сцене, а на исторической. Впрочем, эпоха, которая привела к разгулу демонических сил в XX веке, уже начиналась, о чем достаточно внятно написал великий немецкий теолог:

Мужество самоутверждения неизбежно подразумевает мужество утверждения собственной демонической глубины <...> Богемные и романтические натуралисты с жадностью за это ухватились. Мужество принять на себя тревогу демонического, невзирая на ее разрушительный и подчас опустошающий характер, было формой победы над тревогой вины. Однако это стало возможным лишь потому, что предшествовавшее развитие привело к устранению представления о личностном характере зла, заменив его злом космическим, которое структурно и не становится делом личной ответственности. Мужество принять на себя тревогу вины превратилось в мужество утверждать в себе демоническое начало [Тиллих 2011: 152].

Останови Герцен с Огаревым (им ведь молодежь еще верила!) тогдашних молодых безумцев, «нравственных идиотов», как называл Бунин Ленина, может, не было бы первоапрельского убийства. Но это безумие Герценом подогревалось, словно он и впрямь не ведал, что творил. Называя их Карлами Моорами, он давал свое прочтение образа этого бандита и убийцы, немецкого варианта Стеньки Разина, недоучившегося студента. Оправдание Герцену Катков видит только в безумии, ведь преступника от казни спасает лишь признание его буйнопомешанным. Вот Катков и пишет: «Издатели *Колокола*, спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в каком случае назвать их нельзя. *От бесчестия им одна отговорка — помешательство* (курсив мой. — В. К.)» [Катков 2009а: 345].

Герцен верил в решающую роль слова, в роль литературы. Уже в трактате «О развитии революционных идей в России» именно литературу он назвал революционным ферментом общества. Конечно, это был романтизм. Поэтому он мог восклицать: «Vive la mort!» — не видя за этими словами реаль-

ной смерти. Это понимали либералы-консерваторы. Чичерин твердо писал, обращаясь к великому эмигранту:

Вы открываете страницы своего журнала безумным воззванием к дикой силе; Вы сами, стоя на другом берегу, со спокойной и презрительной иронией указываете нам на палку и на топор как на поэтические капризы, которым даже мешать неучтиво. Палка сверху и топор снизу — вот обыкновенный конец политической проповеди, действующей под внушением страсти! О, с этой стороны Вы встретите в России много сочувствия! [Чичерин 1998: 368]

Хочу отметить, что Чернышевский был против народного бунта, к которому звал Герцен. С Герценом у него, несмотря на понимание значения лондонского сидельца и издателя «Колокола», были явные противостояния. Напомним, что эмигрант Герцен каким-то образом стал именоваться (и доселе именуется) «лондонским изгнанником», хотя барин и миллионер уехал добровольно, вывезя все свои миллионы. Необходимо артикулировать основную жизненную установку Герцена, которую он не раз провозглашал. Речь идет об аннибаловой клятве на Воробьевых горах в 1828 году двух подростков — росшего без матери Николенки Огарева и бастарда Шушки Герцена. Они поклялись посвятить свою жизнь разрушению империи, как когда-то Ганнибал мечтал разрушить Рим. О последствиях разрушения империи — хаосе, горе сотен тысяч людей, которые лишатся дома и будут обречены на изгнание, — они даже и не задумывались. (Нечто подобное и вправду случилось после распада Российской империи: страшное изгнание нескольких миллионов, не эмиграция богатого барина, а голодное, нищее скитальчество — и ужасы гражданской войны, выпавшие десяткам миллионов.) Радикалы-разрушители, как правило, о таком не думают. Чернышевский даже на каторге, вспоминая лондонского эмигранта, говорил: «С этим человеком в последнее время я совершенно разошелся во взглядах. Посудите сами, сидит себе барином в Лондоне и составляет заговоры, в которые увлекает нашу молодежь <...> Я советовал ему не трогать нашу молодежь и даже печатно высказался против него» (цит. по: [Рейнгардт 1982: 391]).

В 1867 году Катков печатает роман Тургенева «Дым», где писатель изобразил зарубежную радикальную клоаку. Замечу для введения в контекст, что ближайший друг Герцена Огарев хотел стать Швабриным, одной из самых омерзительных вариаций российских Иуд, изображенных Пушкиным. Еще

в 1863 году Огарев признавался: «Если у нас появится новый Пугачев, я пойду к нему в адъютанты» [Орлова 1982: 491–492]. В романе «Дым» насмотревшийся на Огарева Тургенев изобразил его как доморощенного пророка, видящего только себя, хотя, может, черты для образа Губарева взяты были не только у Огарева, но и у Герцена. Есть люди, тип Огарева, которые всегда и везде готовы играть вторую роль, подхватывая и огрубляя мысль патрона.

Литвинов с любопытством уставился на «того самого». На первый раз он не нашел в нем ничего необыкновенного. Он видел перед собою господина наружности почтенной и немного туповатой, лобастого, глазастого, губастого, бородастого, с широкою шеей, с косвенным, вниз устремленным взглядом. Этот господин осклабился, промолвил: «Ммм... да... это хорошо... мне приятно...» — поднес руку к собственному лицу и тотчас же, повернувшись к Литвинову спиной, ступил несколько раз по ковру, медленно и странно переваливаясь, как бы крадучись. У Губарева была привычка постоянно расхаживать взад и вперед, то и дело подергивая и почесывая бороду концами длинных и твердых ногтей.

Далее изображено натуральное сумасшествие эмигрантской тусовки, потом так удачно повторенное в собрании литераторов в «Театральном романе» Михаила Булгакова. Но глава этого сумасшествия — человек, соединивший в своей фамилии две: Герцена и Огарева — Губарев. «И всякий невольно чувствовал, что он-то, Губарев, всему matka и есть, что он здесь и хозяин, и первенствующее лицо...» В «Дыме» описана, в сущности, эмигрантская шайка людей вне закона, разбойников (outlaw) со своими сварами, с атаманом — Губаревым, который воображает себя героем и мыслителем.

Интересна реакция Герцена на статью Каткова «Заметка для издателя “Колокола”». По рассказу писателя Н. Павлова, присутствовавшего при чтении Герценом катковского текста, статья московского публициста победила остроумнейшего лондонского изгнанника:

Это обращение, как нельзя более, понравилось всем, смеялись, радовались, просили читать. Он начал. Статья, действительно, была им прочитана вслух, от начала до конца. По мере того как он читал, всему обществу делалось все неловче и неловче, а особливо против того игривого настроения духа, с которым приступили к чтению. В начале еще — Герцен то и дело вставлял от себя отрывочные заметки, иногда

очень ловко и остроумно, так что даже все смеялись. Но чем дальше, тем Герцен становился тише, наконец и вовсе ничего не прибавлял от себя; чтение становилось все тяжелее как для него, так и для всех. Вторая половина была уже прочтена мрачно и выслушана в молчании: уж никто и из слушателей не вставлял от себя никаких заметок — хоть бы полусловом. Слушатели не знали, как и досидеть до конца чтения, а отец, очевидно, не знал, как и дочитать. Когда Герцен кончил, в комнате воцарилась гробовая тишина, — тут уж окончательно стало неловко до немоготы. Герцен закрыл книгу и также ничего не говорил; его собственное и такое долгое молчание еще более сконфузило всех. Наконец он сказал: «Можно ли так ругаться? Как это терпится такая ругательная литература? Это просто ругательство. На это и отвечать с моей стороны нечего: это ругательство». Вечер, начавшийся, было, весьма оживленно, кончился, таким образом, как-то неудачно. После того мы скоро взяли за шляпы и разошлись [Павлов 1895: 323].

Впрочем, Огарев ответил эпиграммой, ударив Каткова и Чичерина:

Что за год бесчеловечий!
 Жатва сгилла в смраде слов,
 И взошли от корня Гречей
 Все Чичерин да Катков.

<1862>

Из этой эмигрантской шайки outlaw выросла нечаевщина, на которую ответил Достоевский романом «Бесы», где прототипом страшного развратника Ставрогина был Герцен. С легкой руки Л. Гроссмана прототипом Ставрогина именовали Бакунина. Но определение «скопец», которое привело Бакунина в неистовство, говорит о том, что он был эротически и творчески бесплодный человек, потому и анархист, звавший к разрушению, ибо строить не мог. На роль же Ставрогина скорее подходил сластолюбец Герцен, не пощадивший даже постель друга Огарева.

Пожалуй, единственный из всех оппонентов Герцена хорошо знавший действующих лиц этой бесовской трагедии, Катков в своей газете «Московские ведомости» написал и точнее прочих:

Что обыкновенно не досказывается, расплываясь в неопределенных фразах, то приходит здесь к бесстыдно точному выражению; что другими не доделывается, то деятелями вроде Нечаева совершает-

ся с виртуозной отчетливостью. «Нечаев подлец, но я за это его уважаю», — говорил один из его одурелых последователей. Не чувствуете ли вы, что под вами исчезает всякая почва? *Не очутились ли вы в ужасной теснине между умопомешательством и мошенничеством?* (Курсив мой. — В. К.) [Катков 2009f: 379]

Дело в том, что новый этап деятельности Каткова начинается с 1863 года, когда он вновь стал во главе газеты «Московские ведомости», но уже не в качестве казенного редактора, а на правах арендатора издания. Скромная университетская газета быстро превратилась во влиятельный политический орган. Особую роль газета приобрела в период Польского восстания.

При этом Катков не Нечаева видел вдохновителем нигилизма, он говорил *об идеологе* преступления — о Михаиле Бакунине. Он писал:

Скипетр русской революционной партии перешел в руки к другой знаменитости, к тому Бакунину, который в 1849 году бунтовал на дрезденских улицах, попал за то в австрийские казематы, был потом выдан нашему правительству, сидел в крепости, писал оттуда умилительные и полные раскаяния письма, был помилован и выслан на жительство в Сибирь, где ему была дарована полная свобода, служил там по откупам, женился там на молоденькой польке из ссыльного семейства, сошелся со многими из соплеменников своей жены и, когда разыгралось польское дело, бежал из Сибири; в 1863 году вместе с несколькими сорванцами польской эмиграции предпринимал морскую экспедицию против России, но предпочел высадиться на шведском берегу. Вот он, этот вождь русской революционной партии, организатор заговора, покрывшего теперь своей сетью всю Россию <...> Фигура интересная. Тень ее ложится на всю колоссальную Россию! [Катков 2009d: 364]

Стоит также привести слова Каткова, помнившего Бакунина с юности:

Он всегда умел пристраиваться к денежным, податливым и конфузливый людям и с добродушием времен богатырских соглашался хозяйничать в их кошельках и пользоваться их избытками. Как не делал он практического различия между чужими и своими деньгами, так не делал он различия в своих потребностях между действительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человека последние деньги

с тем, чтобы тотчас же рассорить их на вещи, ему самому совершенно не нужные. Денег не срывал он только с тех, у кого положительно нечего было взять. В этой характеристике Бакунина нет ни одной черты произвольной или основанной только на нашем личном впечатлении. Все знавшие его подтвердят в полной силе все главные черты его [Катков 2009d: 365].

Многие исследователи отмечают смелость Каткова, выступившего против Искандера в момент его наивысшей популярности. Как писал князь Н. Мещерский, современник Каткова,

по всей России рассылался «Колокол», но отвечать ему было запрещено.

И вот в это время, в эпоху безграничного владычества Герцена, вдруг грянул гром. Среди раболепного безмолвия послышалась речь Каткова — твердая, мудрая, властная... Камень, брошенный мощной рукой, попал прямо в цель. Скудельный божок дал трещину с самой макушки до подножия. Вскоре новый удар — и божок рухнул в прах. Остались одни черепки. Как ни старались потом ему близкие склеить черепки, божка уже не удалось воскресить: черепки остались черепками. Появление нового Давида вызвало в России неопишемое изумление. Известны последствия. Благородный цензор, исполнивший честно долг перед Отечеством, пал жертвой яростной интриги. Но истина до того яростно засияла, что пришлось им все-таки, хоть нехотя, зажмурить глаза.

Михаил Никифорович мне рассказывал, что вслед за появлением первой его статьи о Герцене ему пришлось быть на каком-то торжестве. «Вхожу я и вижу, что для официального мира я какой-то очумленный. Все бегут от меня, и прежде всех и дальше всех убежал — жандармский полковник...» Победа была полная, но для блага России он с первого шага уже, очевидно, был готов жертвовать всем. Редко в жизни приходится быть свидетелем такого разительного и быстрого торжества правды над неправдою, света над тьмою. Лондонский кошмар исчез. Оставался тот же Герцен, печатался тот же «Колокол», но значение его было утрачено — его не читали... Паломники исчезли [Воспоминания... 2014: 71].

Правда, по-настоящему Герцен потерпел поражение в полемике с Катковым лишь в следующем году. Откровенно антинациональная позиция в польском вопросе дорого обошлась Герцену. За 1863 году тираж «Колокола» упал с 2500 до 500 экземпляров. Больше никогда «Колокол» не имел такого влияния, как в начале 1860-х.

После битвы с Герценом у Каткова было еще два серьезных столкновения с обществом и властью. Пожалуй, стоит начать с его идеи о необходимости изучения классических языков в гимназиях. Надо сказать, что в знаменитых лекциях Шеллинга «Философия откровения», читанных Катковым в начале 1840-х годов, эта тема поднималась. Русский студент оказался памятьливым и креативным. Шеллинг замечал, что изучению древних языков он «обязан тем формальным навыком духа, который больше, чем всякая абстрактная логика или риторика, дает мне возможность отмечать и выражать тончайшие оттенки или различия любой мысли» [Шеллинг 2000: 32]. В 1864 году, в разгар обсуждения педагогических проблем в перестраивающейся России Катков пишет знаменитую статью «Значение классической школы как общеобразовательной». Идея его была проста: если мы думаем встать вровень с Западной Европой, то надо образовать ум молодых людей через изучение древнегреческого языка и латыни, ввести молодежь в контекст мировой культуры, выведя образование из узкопрагматической направленности. В 1868 году он вместе со своим другом — профессором латинской словесности П. Леонтьевым основал так называемый «Катковский лицей» — одно из самых элитарных учебных заведений тогдашней России, во многом продолжавшее традиции Царскосельского лицея. 26 сентября 1867 года в передовой статье «Московских ведомостей» сообщалось, что в 1868 году в Москве откроется Лицей цесаревича Николая — принципиально новое учебное заведение, где будут «подготавливать к жизни людей, в которых особенно нуждается наше отечество, людей, которые, в своем звании Русских, были бы в полной силе детьми Европы».

Катков исходил из того, что древние языки — основа современных, поэтому их изучение необходимо для усвоения европейских и русского языков. Знание языков дает понимание различных культур и любых отраслей человеческого знания. Напомним, что после разгрома дореволюционного образования большевиками изучение древних языков было изгнано из школы, а вместе с этим упал уровень знания иностранных языков, да и родного русского. В 1897 году Розанов начинает свою статью «О гимназической реформе семидесятих годов» с оценки идей Каткова, отмечая, что тот «заставил всех, от кого зависело практическое разрешение вопроса, поверить, что классицизм есть единственное для России средство стать умственно независимую страну, стать рав-

ною среди равных в семье просвещеннейших европейских наций» [Розанов 2009b: 765]. Врагов было много, но в результате победа его была очевидна.

А уж в польском деле Катков вообще поставил на карту свою издательскую деятельность, свою судьбу, вмешавшись в польский вопрос. Никогда русское начальство не терпело непрошенных советчиков, не состоявших в должности советчиков официально. Но ситуация была невероятной для русской государственности. Сошлюсь на статью Г. Лебедевой:

Сами мятежники при этом были чужды каких-либо сантиментов. Они повсеместно нападали на спящих в казармах солдат, русских офицеров приглашали в гости к местным помещикам и вероломно убивали. Погибли многие гражданские русские, проживающие на охваченных мятежом территориях. Для XIX столетия, еще сохранявшего традиции рыцарского отношения к противнику, такие явления, особенно в исполнении поляков, имеющих репутацию народа аристократического, были внове <...> польский мятеж вызвал и международный кризис. Уже 17 апреля 1863 года Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя и папа Римский предъявили России дипломатическую ноту, более похожую на ультиматум, с требованием изменить политику в польском вопросе. Западные страны предлагали решить судьбу Польши, подразумевая ее в границах Речи Посполитой 1772 года, на международном конгрессе под своим руководством. В противном случае они угрожали войной [Лебедева 2014: 11–12].

Катков выступил как свободный публицист, обрушившись на политику правительства, в том числе на великого князя Константина Николаевича. Только что был арестован Чернышевский за попытки давать императору советы. Катков смел критиковать высших чиновников за недостаток государственного смысла. Он рисковал, но шел напролом. Он сразу ухватил главную проблему (помимо защиты русского государства): «Польское восстание вовсе не народное восстание; восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть» [Катков 1863a], — писал он. Каткову удалось добиться успеха: наместник уехал за границу «на лечение», а командующим в Северо-Западном крае с диктаторскими полномочиями был назначен, по предложению Каткова, генерал М. Муравьев. Возмущение было подавлено. Современник Каткова Е. Феоктистов вспоминал:

...Катков, роль которого в событиях 1863 и 1864 гг. представляла великое и еще небывалое у нас зрелище. Это был первый пример в России, чтобы человек без связей и покровительства, единственно силой своего таланта и горячего убеждения приобрел неслыханную диктатуру над умами <...> Правительство боялось его и вместе с тем заискивало перед ним. Несмотря ни на какие препятствия, он смело шел вперед, и тщетно тупоумная цензура пыталась остановить его. «Московские Ведомости» читались нарасхват, имя его гремело по всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такою славой [Феоктистов 1991: 143–144].

Говорят, что его защита государства, призыв к силе были изменой либеральным идеям. Катков прекрасно знал об этих толках и отвечал:

Истинный либерализм есть сила, а не уступчивость. Он отрекается от произвольных мер для того, чтобы упрочить порядок и законность. Он допускает и лелеет свободу потому, что верит в ее животворящую силу, а не потому, что не чувствует в себе сил бороться с притязаниями, направленными против законного порядка, против основ государства и общества. Истинный либерализм не есть и мягкость, — мягкость ко всему, и к хорошему, и к дурному. Такая мягкость есть тот же произвол, только обращенный в другую сторону и еще более опасный, чем произвол жестокости, потому что поощряет преимущественно дурное. От такой мягкости терпит законность; ею пользуются нарушители закона; истинно либеральные элементы общества она отвлекает от себя, отдавая их во власть элементов революционных [Катков 1863b].

Не все, однако, верили в искренность Каткова и в опасность левых умонастроений. В 1866 году консервативный «русский европеец» князь Петр Вяземский написал о Каткове язвительное стихотворение «Хлестаков»:

Нет, Хлестаков еще не умер:
Вам стоит заглянуть в любой
«Московских ведомостей» номер,
И он очутится живой.

.....

Смотри, что за балясы точит,
Как разыгрался в нем задор:
Теперь он не уезд морочит,
А Всероссийский ревизор.

Любивший Вяземского великий русский поэт и имперский мыслитель Федор Тютчев резко ответил князю, ответил дивным стихотворением:

Когда дряхлеющие силы
 Нам начинают изменять
 И мы должны, как старожилы,
 Пришельцам новым место дать, —
 Спаси тогда нас, добрый гений,
 От малодушных укоризн,
 От клеветы, от озлоблений
 На изменяющую жизнь;

 И старческой любви позорней
 Сварливый старческий задор.

«Русский вестник» стал органом, ведущим непримиримую борьбу с нигилизмом. Почти все русские антинигилистические романы были опубликованы именно в этом журнале. Катков был жесткий редактор: все, что не отвечало его запросам, его политическим требованиям, он беспощадно вычеркивал или переписывал своей рукой. Так, от Каткова страдали не только рядовые литераторы, но и крупнейшие писатели России — Достоевский и Лесков. Правке подверглись, скажем, такие романы Достоевского, как «Преступление и наказание» и «Бесы», даже глава о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых». Преклонения перед литературными репутациями у Каткова не было. Когда последняя часть «Анны Карениной» показалась Каткову не отвечающей его идеологическим устремлениям, он потребовал исправлений. Толстой отказался и напечатал эту часть отдельным изданием (он был в отличие от Достоевского и Лескова в материальном отношении человек независимый).

Разумеется, любое историко-культурное исследование, особенно обращенное к значительному явлению, может перерасти в бесконечность, поскольку фактов и неожиданных деталей чрезвычайно много. Поэтому завершу разговор не кончиной Каткова, хотя она показательна: похороны были обставлены торжественно, власть отдавала должное своему оводу, бесконечно жалившему ее. По всей России в церквах служили панихиды по усопшем «болярине Михаиле». Закончу я свое сообщение Пушкинским праздником, где Катков высказал собственное кредо, которое не приняли русские литераторы, отуманенные

идеологическими мифами. Его речь была опубликована в «Московских ведомостях» 6 июня, в день открытия памятника. Событием на этом празднике стала речь Достоевского о Пушкине, которая, кстати, была опубликована в той же газете через семь дней после статьи Каткова — 13 июня 1880 года.

Основная мысль Каткова была и разумная, и важная, ее и сегодня можно повторить. Для него Пушкин был явлением, вышедшим за рамки своего времени. Вот его слова:

Жизнь народа и его призвание не исчерпываются делом государственной нужды. Когда тело сложилось и окрепло, душа освобождается для самостоятельной жизни. Развитием внешнего могущества и вооруженной силой еще не обеспечено существование народа, еще не доказано его право на существование. Бывали громады, скрепленные внешней силой, которые, исполнив свое временное назначение, рассыпались во прах и исчезали. Великий народ, призванный к жизни, обладает силою внутреннего единения и проявляет свой дух не в одних заботах самосохранения, но и в развитии даров человеческой природы. Чем производительнее творчество мысли среди народа, чем выше подъем духа в его избранных людях, чем обильнее и плодотворнее раскрываются в нем дары Божии, тем возвышеннее становится его положение в мире и тем он любезнее и дороже для человечества. Над царством нужды возвышается царство свободы, где каждый сам себе царь и где властвуют только вечные законы истины, блага и красоты, где народ достигает высоты человечества и куда, утомленные трудом жизни, обращаем мы взоры, ища успокоения, отрады и освежения сил. Что была бы жизнь наша, — и была ли бы возможна жизнь человеческая, — без этого царства чистой свободы? [Катков 2009с: 605–606]

Катков хотел примирения. И, призвав всех забыть старые разногласия во имя России, он протянул свой бокал Тургеневу. Но либерально-мстительный Тургенев закрыл свой бокал с шампанским, сказав, что он стреляный воробей и его на шампанском не проведешь.

И нельзя не согласиться с Василием Розановым, писавшим, что Катков стал символом всего *центростремительно-го* в нашей земле, в противовес иным *центробежным* силам, также обильно развитым у нас, — силам, разбегающимся от центра к периферии, стремящимся разорвать целость нашего сознания, целость истории нашей, наконец, целость нашей территории. В любой культуре, в любой державе такая позиция центростремительного движения всегда востребована.

Литература

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. / Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 11. М.: АН СССР, 1956.

Блаватская Е. П. Некролог на смерть М. Н. Каткова // Московские ведомости. 1887. 14 августа.

Воспоминания о Михаиле Каткове / Сост. Г. Н. Лебедева; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Катков М. Н. Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Пять частей. Санкт-Петербург, 1838—1839 // Отечественные записки. 1839. Т. 4. Отд. 6. С. 8.

Катков М. Н. <Б. н.> // Московские ведомости. 1863а. 15 июня.

Катков М. Н. <Б. н.> // Московские ведомости. 1863б. 14 августа.

Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Катков М. Н. Идеология охранительства / Сост. Ю. В. Климакова, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009а. С. 328—345.

Катков М. Н. К какой принадлежим мы партии? // Катков М. Н. Идеология охранительства. 2009б. С. 100—111.

Катков М. Н. Кого чувствует Россия в лице А. С. Пушкина //

Катков М. Н. Идеология охранительства. 2009с. С. 604—612.

Катков М. Н. Кто наши революционеры? // Катков М. Н. Идеология охранительства. 2009д. С. 362—373.

Катков М. Н. Отзыв иностранца о Пушкине. Статья Фарнгагена фон Энзе // Катков М. Н. Идеология охранительства. 2009е. С. 535—537.

Катков М. Н. Процесс нечаевцев // Катков М. Н. Идеология охранительства. 2009ф. С. 373—382.

Лебедева Г. Предисловие // Воспоминания о Михаиле Каткове. 2014. С. 5—27.

Ленин В. И. Карьера // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 22 / Ред. В. В. Горбунов и Е. Н. Стеллиферовская. М.: Политиздат, 1968. С. 43—44.

Леонтьев К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 тт. / Гл. ред. В. А. Котельников. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 186—207.

Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е. Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997. С. 142—150.

- Орлова Раиса.* Последний год жизни Герцена. New York: Chalidze Publications, 1982.
- Павлов Н. М.* Полемика Каткова с Герценом // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 321–324.
- Рейнгардт Н. В. Н. Г. Чернышевский* (По воспоминаниям и рассказам разных лиц) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. Е. И. Покусаев и А. А. Демченко. М.: Художественная литература, 1982. С. 380–392.
- Розанов В. В.* О постановке памятника М. Н. Каткову // *Розанов В. В.* Собр. соч. Т. 28: Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009а. С. 605–607.
- Розанов В. В.* Сумерки просвещения // *Розанов В. В.* Эстетическое понимание истории. 2009b. С. 622–691.
- Розанов В. В.* Окончание «Писем Соловьева» // *Розанов В. В.* Собр. соч. Т. 21: Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2011. С. 92–94.
- Сементковский Р.* Михаил Катков. Его жизнь и литературная деятельность // Воспоминания о Михаиле Каткове. 2014. С. 533–534.
- Соловьев В. С.* Несколько личных воспоминаний о Каткове // *Соловьев В. С.* Сочинения в 2 тт. Т. 2: Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика / Сост. Н. В. Котрелев, Е. Б. Рашковский. М.: Правда, 1989. С. 626–634.
- Тиллих Пауль.* Мужество быть / Перевод с англ. М.: Модерн, 2011.
- Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). М.: Новости, 1991.
- Чернышевский Н. Г.* Заметки о журналах // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15 тт. Т. 3 / Под ред. В. Я. Кирпотина. М.: ОГИЗ, 1947. С. 630–729.
- Чичерин Б. Н.* Письмо к издателю «Колокола» // *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 366–372.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2 тт. / Предисл., прим. С. В. Бахрушина. Т. 1. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2010.
- Шеллинг Фридрих.* Философия откровения. В 2 тт. Т. 1 / Перевод с нем. А. Л. Пестова. СПб.: Наука, 2000.
- Katz Martin.* Mikhail N. Katkov. A political biography, 1818–1887. The Hague – Paris: Mouton, 1966.
- Thaden Edward C.* Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964.